

ТРЕВОЖНЫЙ АВГУСТ

1942

Глава 1

Москва. 8 августа

Данилов

У Данилова был знакомый инженер, который, как только садился в машину, немедленно засыпал. Делал он это независимо от длины пути и времени суток и одинаково крепко спал, будь он в такси или в своей, трестовской машине, когда шофер вез его на очередной объект.

Над ним смеялись знакомые, о нем рассказывали анекдоты. И только потом Иван Александрович понял, что этот человек ни разу за много лет не выспался по-настоящему. Слишком много тогда нужно было построить, и слишком мало было специалистов.

Данилов вспомнил о своем знакомом, когда пришел к нему в кабинет всегда недовольный шофер Быков и, хмуро посмотрев на начальника отделения, сказал:

— Между прочим, до райцентра по нынешним дорогам часа четыре с гаком.

— А как-то велик? — ехидно поинтересовался Данилов.

— Тоже с час.

— Тогда будем просто говорить: пять часов езды.

— А мне, товарищ начальник, при такой резине от вашей точности ни жарко ни тепло.

— Тогда ты, Быков, мне фаэтон найми, я в нем поеду.

— Это еще что такое? — удивился шофер.

— Вот когда выяснишь, приходи, а пока иди готовь машину. Ясно?

— Куда яснее. — Быков вышел, нарочно громко хлопнув дверью.

«Все, — подумал Данилов, — через три часа сяду в машину и усну. Буду спать пять часов. Пусть только кто-нибудь попробует меня разбудить».

Он подошел к сейфу, отодвинул литую узорчатую крышку замка, с трудом вставил ключ. Ключ был новый. Прежний же, который, видимо, изготовили на заводе именно для этого сейфа, Иван Александрович потерял в декабре прошлого года. Впрочем, слово «потерял» было не совсем точным. Тогда осколком мины у него начисто срезало карман полушубка. В горячке боя он так и не заметил этого и только утром разглядел наконец и понял, почему всю ночь у него мерз правый бок. Естественно, что ключ искать было бессмысленно.

После того как батальон НКВД, в котором Данилов был заместителем комбата, расформировали и работники милиции вновь вернулись на свои места, вопрос о сейфе встал на повестку дня. Замначальника МУРа Серебровский просто предложил вскрыть его автогеном, но Данилов заупрямился. Ему жалко стало этот заслуженный чугунный ящик, который верой и правдой служил всем его предшественникам. Потом у сейфа была одна необычная особенность: как только открывали замок, он наигрывал какую-то никому не ведомую мелодию.

— Ну, тогда сам его открывай, гвоздем, — сказал, уходя, Серебровский. — Ты, Данилов, прямо как старьевщик. Тебе бы из АХО новый сейфик принести — и порядок, а то ведь это чудище полкабинета занимает.

Замначальника скрылся за дверью, оставив Данилова один на один с сейфом. Иван Александрович позвонил в справочную, узнал номер телефона завода металлоизделий. Но главный инженер сказал Данилову, что их механики могут вскрыть только сейфы заводского производства.

— Спасибо, — поблагодарил Иван Александрович. — А вам неизвестно, где есть еще такие специалисты?

— По этому вопросу обратитесь в МУР, — рассмеялся невидимый собеседник и повесил трубку.

Что и говорить, адрес был наиболее верным. И вдруг Иван Александрович вспомнил Рогинского, теперь уже старика, бывшего медвежатника, потом колониста. Ему довелось видеть его перед самой войной, и тогда Рогинский со смехом сказал, что трудится «почти по прежней специальности» — заведует мастерской по ремонту сейфов. Мастерская находилась где-то на Трубной, практически в двух шагах от МУРа. Рогинского разыскали через час. Он минут пять покопался с замком, и кабинет снова наполнила старинная звенящая мелодия.

— Все, — усмехнулся Рогинский, — теперь, уважаемый Иван Александрович, давайте оформим наши отношения.

Он достал из кармана квитанционную книжку.

— А без этого нельзя? — спросил Данилов.

— Левыми делами не занимаюсь никакими.

— А как же теперь мне быть, записать вас в штат? Как открывать и закрывать это музыкальное чудо?

— Напрасно иронизируете, сейф у вас замечательный. Теперь таких не делают, их на всю Москву три осталось, а куранты работают только у вас. Ключ я вам сделаю часа через два, правда, замочек придется взять с собой.

В общем, после этого сейф стал работать, только ключ вставлялся туговато. Но вызывать старика второй раз времени не было.

Глава 2

Москва. Май

Данилов

6 мая, поздно вечером, когда Данилов собрался домой, благо казарменное положение отменили, позвонил дежурный.

— Иван Александрович, — взволнованно закричал он в трубку, — убийство! — Голос дежурного сорвался.

«Видимо, кто-то из новеньких, — подумал Данилов, — старики уже привыкли ко всему».

— Где?

— В Грохольском переулке.

— Хорошо, выезжаю.

Игорь Муравьев, Степан Полесов и новый помуполномоченного Сережа Белов еще не ушли, и это было очень кстати, так как посылать за кем-нибудь машину времени не было.

В автобусе их уже ожидали эксперты и проводник с собакой. Все было как обычно, обыкновенный выезд.

Автобус гремел по булыжникам переулков. Шофер гнал машину кратчайшим путем. Трясло.

— Слушай, — крикнул Муравьев из темноты, — Володя! Что, в Москве нет больше асфальтированных улиц?

— Есть, — ответил шофер, — но так дорога короче.

— Боюсь, Иван Александрович, — сказал Игорь, — что он нас не довезет. Ты нас не жалеешь, так собаку пожалей! — опять крикнул он шоферу.

— Ничего, — серьезно сказал проводник. — Туман привычный. Правда, Туман?

По крыше автобуса застучали ветки, шофер вывел машину в проходной двор.

— Ну, дает, — засмеялся Полесов, — сейчас дворами поедем.

Пронзительно закрипели тормоза. Автобус остановился.

В переулке пахло липой. Было совсем темно, только узкие прорезы замаскированных фар освещали несколько метров булыжной мостовой.

— Интересно, куда он нас привез, — спросил Данилов. — Как ты думаешь, Игорь?

— А кто его знает...

— Привез я вас правильно, — обиженно сказал шофер. — Вон там, видите?

Данилов наконец начал различать неясные фигуры у подъезда дома. Потом послышались торопливые шаги, к ним кто-то шел.

— Товарищ начальник...

— А, это ты, Смирнов. — Данилов по голосу узнал начальника розыска райотдела. — Ну, что у тебя?

— Плохо у меня, четыре трупа.

— Да, хуже некуда. Что ж ты, меньше мне не мог приготовить?.. Ну ладно, веди нас.

Глаза привыкли к темноте, и постепенно Данилов уже различал улицу, дома и деревья, которые казались неестественно большими.

Сзади по тротуару полоснул узкий свет фонаря.

— Пока не надо, потом, — не оборачиваясь, приказал Иван Александрович.

— Сюда, — сказал кто-то и услужливо распахнул калитку, — тут ступенька одна сломана, так что вы осторожно.

— Спасибо.

Первое, что он почувствовал, войдя в дом, был кисловатый запах пороха. Это означало, что здесь стреляли много. Данилов толкнул дверь и оказался на пороге маленькой прихожей.

На полу лежал человек в военной форме, рядом валялась фуражка с черным артиллерийским околышем. Осторожно переступив через труп, Данилов вошел в комнату...

В пять утра Иван Александрович вернулся в управление и, не заходя к себе, сразу же пошел к начальнику. В приемной сидел неизменный Паша Осетров.

— У себя? — спросил Данилов.

Паша вскочил, щелкнул каблуками и, оправив гимнастерку, ответил:

— Час как прилег. А что, важное что-то?

— Придется будить. — Данилов еще раз подвинулся Пашинной выправке. — Дело безотлагательное.

— А может, подождем, Иван Александрович?

— Нет, Паша, нельзя ждать.

Осетров скрылся за дверью и через две минуты появился вновь:

— Ждет.

Начальник, стоя у стола, застегивал гимнастерку. Одна щека его была помята до красноты. Он поймал взгляд Данилова, усмехнулся:

— Что смотришь? Вот на диване прилег. Все часок прихватил, пока ты жуликов ловишь. — Он потянулся всем своим большим, сильным телом, взял со стула ремень. — Я перед войной, Иван, думал, поеду в отпуск, кроме творога, есть ничего не буду. Похудеть все хотел. Сейчас же ем все, что придется, а без ремня галифе бы потерял. Такая вот у нас нынче жизнь. Почище всякого лечебного питания. Ну, докладывай.

Иван Александрович сел к столу, достал из планшета бумаги.

— Плохое дело, — начал он, — давно у нас такого не было.

— Ты докладывай, Данилов, — начальник сел на диван, — а потом мы с тобой решим, что было и чего не было.

— 3 мая в Москву с Дальнего Востока прибыл старший лейтенант Ивановский Сергей Дмитриевич. Цель приезда — служебная командировка. Ивановский сопровождал эшелон с техникой — пушки для фронта. После окончания дел он попросил у начальства разрешения задержаться на три дня в Москве у родителей. Ему разрешили. 6 мая, вечером, он со своей девушкой пошел в кино. Кстати, она живет в соседнем с нами доме. По ее словам, когда они подошли к дому Ивановского, то заметили: на одном из окон часть светомаскировочной шторы оторвана и свет падает на улицу. Ивановский заглянул в окно и увидел, что какой-то человек бьет по лицу его отца. Он выхватил пистолет и бросился к дверям.

— Погоди-ка, — начальник встал, — это тебе девушка Ивановского рассказала?

— Да.

— А где она сейчас?

— У меня в кабинете ждет.

— Предусмотрительный ты, Иван, человек, — начальник усмехнулся, — с тобой работать хорошо. Ну, давай дальше.

— Нам повезло, что подруга Ивановского, Алла Нестерова, сразу же подошла к окну. Сначала она не поняла, куда бросился Сергей, только потом, догадавшись, подбежала к окну. Через порванную штору Нестерова увидела кусок комнаты и человека в военной форме. Тот поднял руку. И девушка поняла, что незнакомец собирается кого-то ударить. За окном все происходило как в немом кино. Но внезапно раздался выстрел, звук которого не смогли приглушить оконные стекла, и неизвестный, так и не опустив руку, упал. Потом в комнате прогремело еще несколько выстрелов, и погас свет. Нестерова прижалась к стене. С крыльца сбежали трое. И только тогда она увидела «газик», стоявший чуть поодаль от дома. Машина развернулась и пронеслась мимо нее. И все же, несмотря на темноту, Нестерова успела запомнить последние две цифры номера — 06.

— Так, — начальник встал, — это уже кое-что. Ну а дальше?

— В квартире мы обнаружили убитых: лейтенанта, его родителей и неизвестного в форме ВОХРа. Найдена всего одна гильза от пистолета «ТТ»: судя по кобуре, этим оружием пользовался Ивановский.

— А в командирской книжке у него что записано?

— Все дело в том, — Данилов полез за папиросами, — что документов у лейтенанта не обнаружили.

— Значит, их забрали.

— Больше гильз не нашли, видимо, стреляли из наганов. Кстати, у убитого налетчика на поясе кобура от нагана. Точнее сообщат патологоанатомы и эксперты.

— Следовательно, картина такая. Четверо неизвестных врываются в дом Ивановского, избивают его родителей...

— Обыскивают квартиру, — добавил Данилов.

— Да, обыскивают. Значит, что-то ищут. Поэтому, видимо, и били, заставляли признаться. Им это «что-то» очень нужно было. Просто так на тройное убийство не пойдешь. В общем, поздравляю, Данилов: банда у нас появилась. Опасная банда. Что-нибудь взято из дома?

— На полу валялась шкатулка. Нестерова показала, что в ней убитая Мария Дмитриевна Ивановская хранила ценности. Нестерова считалась невестой сына, поэтому ей были известны некоторые вещи. Так, например, она рассказала, что там хранились сапфировые серьги с бриллиантами, которые покойная собиралась подарить ей к свадьбе.

Некоторое время они сидели молча, глядя друг на друга. Потом Данилов сказал:

— Не думаю, что Нестерова связана с этим делом. Девушка она хорошая, студентка, комсомолка.

— С тобой прямо страшно становится, Иван, — усмехнулся начальник, — ты мысли читаешь.

— Так работаем вместе сколько.

— Откуда у Ивановского-старшего драгоценности?

— Он ювелир, очень известный. Крупнейший специалист, так сказать, художник своего дела.

— Но ведь не из-за сережек к нему пришли. Сколько они, кстати, могут стоить?

— Об этом поговорю сегодня днем со специалистами.

— Надо узнать, зачем они приходили.

В дверях бесшумно появился Осетров:

— Товарищ начальник, там Муравьев товарища Данилова спрашивает.

— Давай зови его.

Игорь вытянулся на пороге. Данилов с удовлетворением оглядел его ладную фигуру, туго затянутую портупеей. Игорь последнее время ходил в форме. Гимнастерка сидела на нем как влитая, орден Красной Звезды, полученный за декабрьские бои под Москвой, заметно выделялся на сером коверкоте.

«Он поэтому и носит форму, — про себя улыбнулся Иван Александрович, — из-за ордена». И пока Игорь произносил уставные слова приветствия, Данилов подумал о том, как все же война взрослит людей. Прошло всего ничего, а Муравьев стал уже вполне зрелым человеком и толковым оперативником.

Игорь подошел к столу, сел в кресло. Даже по тому, как он держался в кабинете начальника, вызов к которому не всегда приятно кончается для любого работника МУРа, чувствовалось, что Муравьев знает цену своим словам и уж если решил что, то мнение свое будет отстаивать до конца.

— Сегодня утром я посетил директора производственного комбината Ювелирторга.

— «Посетил». — Данилов засмеялся. — Ну Муравьев! Посетил — считайте, что вытащил человека утром из постели. Сработано оперативно, но не совсем вежливо.

Игорь развел руками.

— Ничего, — сказал начальник, — продолжай, Муравьев.

— Ивановский, — Игорь достал блокнот, — характеризуется с самой лучшей стороны. Старый большевик-подпольщик. В его мастерской резали шрифт для искровских типографий. Участник октябрьских боев семнадцатого года в Москве, воевал в Гражданскую, но был отозван для работы по специальности в Гохран. В двадцатых годах выезжал в качестве эксперта за границу, при продаже наших драгоценностей. Активно участвовал в разоблачении группы Шелехес — Пожамчи.

— Так ты, Иван, его должен был знать, — перебил Игоря начальник МУРа, — ты же этим делом занимался.

— Нет, — Данилов покачал головой, — я тогда ездил арестовывать двоих барыг, чисто техническая работа. Молодой был, еще, наверное, младше Игоря.

— Так, — начальник достал спички, закурил, — а я кое-что помню. Ну, давай дальше.